

Точка перехода

[На главную](#)

[Назад](#)

[Политика](#)

Ален де БЕНУА ЗАГАДКА ГИТЛЕРА

Перевод с французского Виктории Ванюшкиной

В 1933 г. французский писатель Франсуа Ле Гри (Francois Le Grix), присутствовавший на выступлении Гитлера в Берлине, так писал о впечатлении, произведенным тем на него: "в его лице, походке чувствовалось столько уверенности, искренности, бравады, что это заставляло многих дам называть его "прекрасным мальчишкой"". ("Двадцать дней с Гитлером", изд. Grasset).

В 1936 г. Альфонс де Шатобриан (Alphonse de Chateaubriant) так описывает Гитлера: "Его глаза, насыщенного голубого цвета, напоминают воды озера Кеннигссе. Его тело вибрирует; движения его головы по юношески стремительны. Его спина, прямая как стержень, не согнута грязными политическими страстями. Его характеризует бесконечная доброта. Да, Гитлер, — добрый. ("Сноп сил", Grasset).

В том же году, романист Бодель писал: "Я не знаю насколько приятно быть гражданином тоталитарного Государства; я лично, этого бы не перенес. Но я знаю, что сегодня гораздо радостней жить в поработанной Германии, чем в свободной Франции. ("Господин Гитлер", Gallimard).

Ницше говорил: "История всегда пишется с точки зрения победителей".

Золотая середина

После 1945 г. количество обвинений в значительной степени превысило прежние восхваления. Гитлер, по мнению пишущих о нем авторов, превратился в "старого маляра", политического, тупого и ограниченного животного, великого безумца, больного, импотента, садиста, архетип "авторитарной личности", воплощение зла, гангстера высокого полета, марионетку, управляемую промышленниками и т.п.

Имеющиеся точки зрения можно разделить на две основные категории. Первая объясняет его личность "из вне": Гитлер был порождением обстоятельств. В некотором смысле, дитя случайного и необходимого. Другие объясняют "изнутри": это был безумец, преступник и т.д. С одной стороны, социальный анализ: логический результат определенного процесса. С другой, личная биография: непредсказуемая развязка.

Иоахим Фест (Joachim Fest) — 51 год, гладкие волосы, бледное лицо, узкие губы и выступающие скулы — считает эти теории попыткой уйти от проблемы.

Действительно, один вопрос создает непреодолимое препятствие: если Гитлер был всем тем, что о нем говорят сегодня, как могло случиться так, что немецкий народ пошел за подобным человеком? Как он мог привести к власти подобную помесь скота и слабоумного и поддерживать его даже в огне и смерти "сумраков богов"? Наконец, сколь же велика должна быть извращенность людей, если даже сегодня, освобожденные от диктатуры, они по всей видимости питают по отношению к нему тревожащую и невысказанную ностальгию?

В 1965 г. Иоахим Фест опубликовал серию портретов основных сановников национал-социалистического режима: "Властелины Третьего Райха" (Grasset). Сотрудник еженедельника "Шпигель" (тираж 800.000), начиная с 1968 г., затем директор "Frankfurter Allgemeine Zeitung" он никогда не отклонялся от своего сюжета. Достойный ученик Макса Вебера, он заботился о простых ответах и дуалистических формулировках. Он искал золотую середину. Это вылилось в многотомную работу, опубликованную им о Гитлере — по толщине в два раза превосходящую "Mein Kampf".

Его книга, ставшая предметом интенсивной рекламной компании (300.000 экземпляров были проданы в Германии, она была переведена на 13 языков), содержит в себе прежде всего размышления о величии — об идее величия и того "ужасного", что кроется в этом понятии.

История позволяет людям обрести форму. Гитлер, Сталин, Де Голль, Мао Дзе Дун были творцами своего времени и, вместе с тем, его порождением. Восхождение Гитлера, — пишет Иоахим Фест — стало возможным исключительно благодаря неповторимому стечению индивидуальных и общих обстоятельств и трудно объяснимому соответствию человека своей эпохе".

Не вызывает сомнения, что Гитлер полностью отвечал чаяниям своего времени. Однако, столь же безусловно можно утверждать, что немецкой душе присуще некое чувство, которое Гитлер воспламенил, придав ему конкретную форму; чувство, которое угасло сегодня, но которое неизбежно возгорится вновь завтра или в течение тысячелетий. Об этом состоянии духа Фест пишет, что оно состоит в очищении реальности во имя "идеалистических революционных концепций". Он добавляет: "Произошедшее — было порождением именно немецкого духа. Однако, не стоит думать, как это делают многие, что все дороги, которыми идет этот дух, неизбежно ведут в Аушвиц."

Критика правых

Было бы ошибочно отождествлять немецкий национализм исключительно с национал-социализмом. В своей книге о "консервативной революции" (Die konservative Revolution in Deutschland, 1918-32, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, 1974) доктор Армин Молер (Armin Mohler), наоборот, подчеркивает наличие оппозиции со стороны многочисленных представителей политических движений, духовных течений и интеллектуальных обществ, составлявших Немецкое Движение (deutsche Bewegung), по отношению к окончательно сформировавшемуся гитлеризму — оппозицию, за которую некоторым из них пришлось заплатить ценой своей жизни.

Доминик Веннер (Dominique Venner) замечает: "В то время как левые сдались, несгибаемыми противниками победившего фашизма стали правые. В 1943 г. именно итальянские правые, а не левые, объединились для свержения Муссолини. В Третьем Райхе действительно опасные для Гитлера заговоры замыслились немецкими правыми, от Канариса до Штауфенбергера" (Op.cit, февраль 1976 г.).

Опубликованная в июле 1933 г., за три года до смерти автора, книга О. Шпенглера "Решающие годы" с этой точки зрения является наиболее показательной. Антон Мирко Коктанен видел в ней "единственное свидетельство существования внутреннего, консервативного сопротивления, никогда не проявлявшегося во времена Третьего Райха". (Освальд Шпенглер и его время, С.Н. Векс, Мюнхен, 1968 г.) Жильбер Мерлио (Gilbert Merlio) даже сказал, что "в Германии "Решающие годы" своим успехом обязаны именно тому, что в этой книге дана критика нацизма с точки зрения правых". (О. Шпенглер и национал-социализм, Германские исследования, N 6, 1976 г.)

В 1930 г. А. Розенберг напал на Шпенглера в своей наиболее известной работе "Миф XX века" (Hoheneischen, Мюнхен). В дальнейшем национал-социализм наградил Шпенглера званием Untergangsmelodramatiker (закатившийся мелодраматик — прим.пер) (E. Gunter, Grundel, Jahre der Überwindung. Korn. Breslau, 1934).

Для О. Шпенглера, о чем он заявил в "Закате Европы", не раса создает нацию, но, наоборот, культура, движущая идея (например, русская идея) выковывает расу (к примеру, тип прусского офицера). Душа (духовная энергия) создает психику — и составляет с ней одно целое. Человек строится изнутри, а не только снаружи. Он обладает расой, но не принадлежит ей.

В 1932 г., в том же году, когда NSDAP стала господствующей силой в Германии, Шпенглер, в своем введении к "Politische Schriften" ("Политические работы"), заявил, что национальная революция нуждается не в "партийных вождах", а в "государственных мужах". И добавил: "Сегодня, я не вижу ни одного такого".

Он считал национал-социализм вариантом "революции снизу" (Revolution von unten), которая ведет к обезличиванию. Для него она стала примером "стадной морали". "Он выступал против гуманистических, социалистических и во многом демократических черт, имеющих в нацизме, видя в этих проявлениях серьезную опасность" — писал Мерлио. Шопенгауэр призывал Гитлера освободиться от пеленок социализма, в которые было закутано его движение. Плебейскому вождю и плебсу он противопоставлял подлинного представителя прусского аскетизма, Herrenmensch, харизматического лидера, который черпает свою власть не из массы, но исключительно из трансцендентности принципа авторитета.

Но невозможно было оторвать Гитлера от "массы". "Марксистское толкование — заметил Раймон Картье (Raymond Cartier), — пытается сделать из Гитлера орудие, изобретенное, финансируемое и управляемое капиталистами, единоличными правителями мира, однако это объяснение рассыпается в прах перед лицом фактов. Если Гитлер и был чьим-либо орудием — все исторические деятели являются им в той или иной степени — то только немецких масс". (La Crapeonillot, N 31, июль 1974 г.)

На протяжении двух томов, составляющих его книгу, Иоахим Фест, обильно цитирует архитектора и бывшего министра Райха Альберта Шпеера, чьи мемуары, опубликованные в 1971 г., ("В сердце Третьего Райха") наделали немало шума. Это более всего прочего, вызывает улыбку. Не шептались ли за Рейном, что И. Фест принимал участие в редактировании этих воспоминаний (Кроме того, Альберт Шпеер голосовал за партию Вилли Брандта, вернувшего ему конфискованное ранее имущество).

Согласно Фесту, у Гитлера были не только "навязчивые идеи". Он также понял как воплотить их в жизнь. С этой точки зрения, он даже представляет собой "исключительный случай интеллектуала, умеющего использовать свою власть на практике".

Гитлер, — объясняет Иоахим Фест — отрицал экспериментальный принцип, согласно которому все революции пожирают своих детей; он действительно был Руссо, Мирабо, Робеспьером и Наполеоном своей революции, он был ее Марксом, Лениным, Троцким и Сталиным. Это доказывает, что он прекрасно понимал, какие силы были спущены им с цепи.

— Неприятная очевидность, уточняет Фест — по ходу книги. Но, наконец, настало время показать феномен Гитлера каким он был и покончить с переодеваниями. Гитлер не был Диктатором Чаплина: он был его противоположностью".

"Величие, — говорит Яков Бурхардт — это необходимость ужасных эпох". Иоахим Фест, считающий себя демо-христианином, близок к мысли о том, что все "великие люди тем или иным образом сопричастны Злу, по его мнению в любом величии скрывается Зло. Гитлер был одним их величайших людей, поскольку в нем было крайне сильно Зло".

— Я думаю, что великие люди оказывают большое влияние, — говорит Фест — но их величие оценивается, исходя из их умения сохранить независимость по отношению к обстоятельствам. Поэтому хорошо, что "сфера действия", на

которую распространяется их влияние, уменьшается. В этом смысле, Гитлер, возможно был последним человеком, который стремился делать историю".

Уже в 1970 г. Рудольф Аугштайн (Rudolf Augstein) писал в Шпигеле: "Сегодня, индивидуум на вершине власти уже не обладает возможностью реально решать что-либо. В лучшем случае он обуздывает свои решения. Он действует по долгосрочному плану. Можно с уверенностью сказать, что Гитлер был последним представителем классического великого политика".

"Феномен великого человека, — замечает также Фест — всегда эстетического порядка: крайне редко его интересует моральный порядок". Это утверждение ведет далеко. Конечно, "метаморальный" характер всех исключительных исторических деяний кажется очевидным. Однако, наиболее ярко это проявилось в национал-социализме, ввиду той важности, которая придавалось этой системой стилю и зрелищу (факт, неизменно поражающий наблюдателей) — а также благодаря личности вождя.

Способный согласовывать практически несовместимые понятия

В другой книге, посвященной основателю национал социализма (Prenom: Adolf. Nom: Hitler), немецкий историк Вернер Мазер (Werner Maser) писал: "Гитлер рассматривал свои функции Фюрера и канцлера Райха, политику и политическую власть исключительно как средства для реализации своих артистических идей". Прежде чем стать оратором, политиком, солдатом, вождем партии или полководцем — продолжает он — Гитлер был (или хотел быть) в первую очередь художником. Ценности, определяющие его мировоззрение были "эстетическими" ценностями. Высшей целью политической акции для него было не реализация общего блага, но "тотальное" действие, в котором наиболее мрачные идеи красоты соединялись с жесточайшей жадью величия.

Именно в этом, утверждает Фест, Гитлер проявил себя как "нечеловеческая личность, способная без малейшего признака морального конфликта согласовать совершенно несовместимые понятия".

Разве не сумел он, выражаясь словами друга его детства Августа Кубичека (August Kubizek), "спокойно повернуть вспять тысячелетия"?

В 1909-1910 гг., во время своего пребывания в Вене, "городе финикийцев" ("гибельных радостей"), как он выразился в "Mein Kampf", Гитлер жил в атмосфере своих картин и чертежей. Несколько его работ, написанных с натуры — говорит Мазер — "отмечены печатью выдающегося таланта". Позднее, на фронте он пишет акварели.

Его любимые немецкие художники в то время — Карл Шпитцвег (1808-1885) и Эдуард Грютцнер (1846-1925). Но выше всего он ставит греко-римскую скульптуру. Даже по достижению вершин власти, живопись, скульптура, архитектура и музыка по-прежнему остаются его глубочайшей страстью. В январе 1942 г. он заявил:

— Политика для меня лишь средство. Многие говорят, что мне крайне сложно хотя бы на день отказаться от той активной жизни, которую я веду сегодня. Они ошибаются. Войны приходят и уходят. Остаются лишь культурные ценности.

Старый акварелист Вены, наизусть знавший планы Парижской Оперы и никогда не устававший слушать Вагнера, он вкладывал столько же страсти в архитектуру и искусство, как и в военные операции или управление Государством. Однажды, когда один из его подчиненных обсуждал цену скульптуры, он прервал его одним словом:

— Для мастера никогда не бывает слишком дорого!

"Иногда — пишет Вернер Мазер — казалось, что Гитлер выбрал путь политика с единственной целью реализовать свои гигантские, неизмеримые архитектурные проекты". Действительно, такие архитекторы как Пауль Троост,

Пауль Глайзлер, Альберт Шпеер в своих беседах с ним обращались к нему как к "коллеге".

Французский посол Андре Франсуа-Понсе (Andre Francois-Poncet) писал, что в некотором смысле, Адольф Гитлер напоминал ему Людвига II Баварского.

Книги, ничего кроме книг

"Сегодня, мне кажется, что по счастливой случайности самой судьбой мне было предписано родиться в Браун-ам-Инн. Этот маленький городишко расположен на границе двух немецких государств, объединение которых составляет — по крайней мере, для нас, принадлежащих к новому поколению — задачу, для достижения которой мы должны пожертвовать всей своей жизнью и использовать все средства, имеющиеся в нашем распоряжении."

Таковы первые строки "Mein Kampf". Гитлер не верил в Бога. Но он верил в Провидение (Vorsehung), providentia Древних, которое определяет и вершит судьбы.

Гитлер понимал историю как "результат борьбы всех против всех".

Действительно, его "мировоззрение" окончательно сформировалось уже в 1918 году. Оно сложилось в результате длительных размышлений, в которых Мазер обнаруживает влияние идей Платона, Гегеля, Шопенгауэра, Шиллера, Стюарта Чемберлена, Леопольда фон Ранке, Гете, Дидриха Эккарта, Ибсена и Золя.

"Шопенгауэр — уточняет он — был одним из мыслителей, к которому Гитлер обращался наиболее часто. Он рекомендовал его как стилиста и наизусть цитировал целые отрывки".

В его исторической доктрине заметно влияние книг Мальтуса, Дарвина, Плотца, Эдуарда Гиббона, все (за исключением Гиббона) люди 19 века, который Гитлер считал эпохой "героев духа".

Его военные концепции в основном строились на интенсивном изучении Клаузевица. 8 ноября 1934 г. он бросил своим противникам в Бургер-Келлербрау, в Мюнхене:

— Вы не читали Клаузевица, но если бы вы даже его прочли, то не сумели бы использовать его теории в современных условиях!

Его начитанность в самых разнообразных областях, чему способствовала его необыкновенная память, поражала всех собеседников Фюрера.

Друг его детства, Август Кубичек, рассказывает: "Я не могу представить себе Адольфа без книг. В доме, он нагромождал вокруг себя горы книг. Когда книга занимала его, он чувствовал необходимость постоянно иметь ее под рукой. Даже, если он не читал ее, он постоянно таскал ее с собой. Такова была жизнь моего друга: книги и ничего кроме книг!". Однако, добавляет Вернер Мазер, его подход к книгам не был sine ira e odio (прим. перев. — без гнева и пристрастия). Он никогда не стремился найти согласие с автором или опровергнуть его. Он читал только то, что "было ему необходимо для подкрепления своих взглядов".

Среди людей, оказавших влияние на Гитлера, особое место занимает писатель и публицист Дитрих Эккарт (1868-1923), который был переводчиком на немецкий "Пера Гюнта" и возглавлял еженедельник "Auf gut Deutsch", прежде чем стать главным редактором "Volkische Beobachter". В последних строчках "Mein Kampf", Гитлер говорит, что Эккарт был "человеком, который пожертвовал всей своей жизнью для пробуждения своего народа, сначала посредством поэзии и мысли и, наконец, действия".

Работы Мазера и Феста, содержащие множество ссылок, графиков, рисунков и схем, несомненно позволяют составить более точное представление о жизни Гитлера. Однако, они ни в коей степени не проясняют "загадку" его личности. На

протяжении более чем тысячи страниц, читатель не находит удовлетворительного объяснения. Парадоксальным образом избытие деталей лишь подчеркивает пустоту целого. Все эти документы не позволяют ясно представить себе этот загадочный персонаж. Перед нами предстает хорошо отлаженный манекен, которого дергают за веревочки, что никого не может ввести в заблуждение. Гитлер не появляется, несмотря на то, что речь все время идет о нем.

Можно многое узнать о Гитлере, но возможно еще не настало время для понимания того, кем он был.

Неразрешимая дилемма

Фюрер III Райха является человеком, о котором пишут вот уже в течение более чем сорока лет. Ему посвящены тысячи книг. Однако, мрак не рассеивается. Известны события. Найдены тысячи документов, писем и записей бесед. Недостатка в деталях нет. И все-таки, несмотря на это, он по-прежнему остается искусственной фигурой; личностью, хранящей свою тайну, и не понятой никем. Иногда даже создается впечатление, что чем больше света проливается на него, тем сильнее становится окутывающий его мрак.

Возможно это происходит потому, что история это всегда лишь нечто уникальное и непредсказуемое. Всего лишь судьба и "человеческие науки" не способны понять личность, выходящую за рамки обычного? Или виной тому иные причины? Может быть просто еще рано судить о нем? Или же попытки, предпринимаемые историками и неудачи, которыми оборачиваются эти попытки, доказывают превосходство интуиции над дедукцией, живого и всеобъемлющего синтетического метода над аналитическим, который собирает и классифицирует факты, но никогда не позволяет воссоздать события "во плоти".

Гebbельс однажды сказал своему адъютанту, князю Шомбург-Липпе: "Я работаю с Гитлером на протяжении многих лет, я вижу его почти ежедневно и, однако, бывают моменты, когда я совершенно не понимаю его. Кто может похвастаться тем, что знает его таким, как он есть на самом деле? В мире абсолютной фатальности, в котором он живет, более ничего не имеет смысла ни добро, ни зло, ни время, ни пространство и то, что люди называют успехом более не может служить критерием. Вы подумаете, что я безумец, но послушайте, что я вам скажу: возможно Гитлер приведет нас к катастрофе. Однако его идеи, преображенные, обретут новые силы в самом поражении. У Гитлера много врагов в этом мире, которые предчувствуют его величие. Но несмотря на это, я не знаю, кто он такой в конечном счете. Действительно ли он человек? Я не мог бы в этом поклясться. Бывают моменты, когда он вызывает у меня дрожь".

Герману Раушнингу, бывшему главе национал-социалистического правительства в Данциге, Гитлер заявил: "Тот, кто видит в национал-социализме только политическое движение, совершенно его не понимает. Наше движение есть нечто большее, чем даже религия: это воля свершить новое творение".

Он добавил: "Бескрайнее значение нашей длительной и тяжелой борьбы за власть состоит в создании нового поколения господ, призванных взять в свои руки не только судьбы немецкого народа, но и всего мира".

Возможно ли объяснить Гитлера, не являясь при этом гитлеровцем? Объяснить его, значить понять его, т.е. его систему, его видение мира. Но можно ли понять его мировоззрение, если его не разделяешь? Дилемма кажется неразрешимой, а следовательно выводы неутешительны, так как пытаюсь прояснить ситуацию, вместо этого, наоборот, сгущают мрак и создают легенду.

Кроме этого, очевидно, что говорить о явлении исторически возможно лишь в том случае, когда оно уже принадлежит истории — т.е. когда оно уже не возбуждает страстей (В связи с чем критики постоянно а priori пытаются найти в историке своего сторонника). В случае нацизма мы еще не достигли подобного положения дел. На данный момент мы имеем гораздо больше сторонников и противников национал-социализма, которые объединяются в своем

противодействию всяким попыткам отбросить это явление в историю, так сказать назад, когда станет возможным говорить о нем объективно, и когда оно (в том числе и по этой причине) перестанет вызывать столь глубокий отклик в душах современных людей.

С этой точки зрения, все книги, написанные о Гитлере сегодня, способствуют исключительно укреплению "гитлеровского мифа". Лучше сказать: любая критика, сколь бы сильной она не была, предполагает актуализацию этой системы — требует сделать из "прошлого" вечное настоящее.

— На протяжении десятков или сотен страниц — сказал писатель Голо Манн (Golo Mann), можно показать, что Гитлер был самым отталкивающим и ничтожным злодеем в европейской истории. Однако, до сих пор, изучая своего героя на протяжении более чем тысяча страниц, как это сделал Фест, пытаюсь прояснить движущие им силы и его психику, скорее приходят к прямо противоположному результату. От желания обвинить до восхищения всего один шаг. Вследствие этого появляются самые противоречивые оценки.

Действия в военной области

Итальянский историк Ренцо де Феличе (Renzo De Felice *Intervista sul fascismo*, Laterza, Bari, 1975 г.) считает национал-социализм архаичным явлением, тогда как фашизм, напротив, рассматривается им как прогрессивное движение, что позволяет ему до некоторой степени приравнять его к идеям, вдохновлявшим "левых националистов".

Однако, для Роберта Арона "Гитлеризм несомненно является конечным итогом современного времени. Он не был, как претендовал на это Гитлер, реакцией против рационализма, но был его извращением. Он стал безумным завершением великой человеческой эпопеи, технического крестового похода, проповедуемого на протяжении более чем трех веков Декартом и его последователями. На протяжении всего этого периода было затрачено невероятное количество сил и веры, разума и мужества, были предприняты славные завоевания, сенсационные blitzkriege против рутины и невежества, что изменило облик мира. И никогда до этого эксцессы, рождавшиеся из этих завоеваний, не угрожали в такой степени самим основам западной цивилизации" ("Retour a l'eternel", Albin Michel, 1946).

В военной области, Гитлер подобно Наполеону, за короткое время сумел восстановить против себя союз трех факторов: сопротивление на оккупированных территориях, англосаксонскую мощь и русскую степь.

Если верить Герту Букхайту (Gert Buchheit, "Гитлер главнокомандующий", Arthaud, 1961), величайшей слабостью Гитлера в военном плане были, с одной стороны, его глубочайшая вера в свою интуицию (понимаемой им как вера в свою миссию) и, с другой, отказ от гибкой, оборонительной войны, допускающей добровольное — но временное — отступление с завоеванных территорий. (Что привело к его столкновениям с командованием Вермахта).

В предисловии, отведенном для стенографических записей конференций, проводимых Гитлером в его главной ставке с 1942 по 1945 года ("Гитлер и его генералы", Albin Michel, 1946) Жак Бенуа-Мечин (Jacques Benoist-Mechin), автор Истории немецкой армии (Albin Michel, 6 том, 1936-61 гг.), являющийся знатоком в военной области, выражает полностью противоположное мнение. Он цитирует Гельмута Гайбера, по словам которого "несправедливо то мнение, согласно которому всегда правильные и многообещающие замыслы, разработанные генеральным штабом, были сведены на нет тупым невежеством дилетанта, который выдвигал лишь абсурдные планы и безрассудные требования".

Он добавляет: "Когда властители Третьего Райха отдали своим дивизиям приказ о наступлении на Россию, ими двигало не наплевательское отношение к тому риску, который влекло за собой ведение войны на два фронта, но именно желание избежать этой опасности".

Это мнение подтверждается победителем битвы при Сталинграде, маршалом Андреем Ивановичем Еременко, который в своих воспоминаниях утверждает, что Гитлер был прав, проявляя недюжинное упорство во время битвы под Сталинградом и, что если бы немцы не отступили от своего первоначального замысла, а именно массированного наступления в Северном направлении, то сражение могло бы обернуться в их пользу.

Со своей стороны, Раймон Картье заявляет "Мое личное заключение (основанное как я осмелюсь утверждать на тщательном исследовании) состоит в том, что Гитлер был великим полководцем и, именно ему, немцы обязаны своими многочисленными победами в первый период мировой войны, включая маневры у Седана".

23 февраля 1945 г. Геббельс писал в еженедельнике "Das Reich": "Если немецкий народ сложит оружие, Советы оккупируют всю Восточную и Юго-Восточную Европу, также как и большую часть Райха. Тогда на всех этих территориях, которые вместе с Советским Союзом составят огромное пространство, немедленно опустится железный занавес (ein eiserner Vorhang)."

В своих последних заметках, собранных Борманом и опубликованных в 1959 г. (Политическое завещание Гитлера, Fayard) Гитлер подвел итог своим действиям, согласно историку Х. Р. Тревор-Ропер (H.R. Trevor-Roper), ретроспективно осветив многие свои намерения.

Японцы и итальянцы

Он утверждал, что война была ему "навязана" и что она началась слишком рано и в то же время слишком поздно. Слишком рано, потому что требовалось двадцать лет для созревания офицеров и дипломатов, воспитанных в его школе. И слишком поздно, потому что противники Райха воспользовались временем, прошедшим после Мюнхенского соглашения, чтобы "достичь военного превосходства" (По его мнению, войну необходимо было начать в сентябре 1938 г.)

Он заявлял, что начал войну против СССР прежде всего потому, что Сталин готовился к нападению на Германию, а также затем, чтобы вынудить Англию признать превосходство Германии на западном континенте. Он думал, что англичане пойдут на заключение "сепаратного мира" с Райхом, если убедятся, что на континенте более не осталось ни одной великой державы, способной помешать осуществлению его политики". Однако, решение о начале войны с Россией — говорит он — было принято в тот момент, когда я убедился в том, что Англия продолжает упорствовать в своем отказе от заключения мира" (26 февраля 1945 г.). Для достижения своих целей, необходимо было опередить противника: "Идея оборонительной войны против России была неприемлема".

Гитлер сохранил огромное уважение к японцам. Он утверждал, что в будущем Германия должна искать себе друзей среди китайцев, японцев и арабов. Однако, он упрекал себя за свою англофилию и "иллюзии", питаемые им по поводу латинских народов.

Англичане, говорил он, недооценили влияние, оказываемое на них "еврейским господством". Он заявил: "Можно предсказать, что каков бы ни был исход этой войны, она станет концом британской Империи. Она идет к своей гибели. Будущее английского народа это смерть от голода и туберкулеза на своем губительном острове".

Он считал, что Италия практически во всем стесняла Германию — и лучше бы она осталась в стороне от мирового конфликта. Он уточнил, что войну против СССР собирались начать весной 1941 г. и закончить осенью и, что именно вторжение итальянской армии в Грецию (о чем Германия не была заранее поставлена в известность) расстроило его планы. Греческая кампания Муссолини стала поистине бедствием. Ему пришлось пойти на открытое столкновение с югославами, в результате чего развязалась война на Балканах, которой немцы пытались всячески избежать. Великобритания послала свой экспедиционный корпус и Гитлер был вынужден прийти на помощь своему союзнику. Кроме

прочего, это помешало осуществлению задуманной им молниеносной войны (Blitzkrieg) против Сталина. Немецкая армия оказалась пленницей ужасной русской зимы, и это стало началом конца. Таким образом исход войны решился в течение нескольких недель.

Кроме этого, Гитлер обвинил итальянцев в том, что они помешали ему разыграть карту деколонизации Средиземноморья и реализовать на практике политический антиимпериалистический союз с Исламом.

Относительно Франции он считал, что его политика была ошибочной. "Нашей задачей — говорит он — было освобождение рабочего класса и поддержка французских рабочих в свершении их революции. Необходимо было беспощадно отвергнуть допотопную буржуазию, лишенную души и патриотизма (...) Мы пренебрегли нашим долгом и не осознали своих интересов, не освободив в 1940 г. французских рабочих".

"То же самое можно сказать о французских колониальных владениях, французский народ безусловно ждал от нас избавления от груза Империи. В этом смысле народ этой страны всегда проявлял больше здравого смысла, чем его так называемая элита. Подлинный инстинкт нации лучше, чем эта элита. Как при Людовике XV, так и при Жюле Ферри они восставали против абсурдных колониальных компаний".

Гитлер набросал картину будущего мира: "В случае поражения Райха, в ожидании подъема азиатского, африканского и, возможно, южноамериканского национализма, в мире останутся лишь две силы, способные реально состязаться между собой: Соединенные Штаты и советская Россия. Законы истории и географии приговорили эти две силы померяться силами как в военном, так и экономическом и политическом плане. Те же законы обрекли их стать противниками Европы. Обе эти державы несомненно в более или менее короткие сроки пожелают заручиться поддержкой единственного великого народа, оставшегося после войны — немецкого народа. Я, настойчиво заявляю: этого не должно произойти ни в коем случае. Немцы не должны играть роль пешки в партии, разыгрываемой русскими или американцами".

Он добавил: "На настоящий момент трудно сказать, что представляет для нас наибольшую опасность в идеологическом плане, прожидовленный американизм или большевизм. Действительно, русские под давлением обстоятельств могут окончательно избавиться от еврейского марксизма, однако, лишь для того, чтобы возродить вечный панславянизм в его самом жестоком и диком облике".

"Что касается американцев, то если им не удастся в ближайшее время сбросить иго нью-йоркских евреев, их гибель последует незамедлительно — они так и не достигнут возраста зрелости. Их огромная материальная мощь при столь же поразительной слабости духа навевает образ ребенка, страдающего гигантизмом. Возникает вопрос, не является ли американская цивилизация, цивилизацией, обреченной развалиться столь же стремительно, как она и возникла".

Время тайной слезы

2 апреля 1943 г. Гитлер заявил: "Если мы окажемся побежденными в этой войне, это станет полным крахом. Наши противники растрезвонили о своих намерениях так, что мы не можем питать никаких иллюзий относительно будущего (...) Эта мысль непереносима. Я с ужасом воображаю наш Райх, разодранный в клочья этими победителями, наш народ, отданный на растерзание диких большевиков и американских гангстеров. Однако, эта перспектива не может поколебать мою твердую веру в будущее немецкого народа. Чем больше страданий выпадет на нашу долю, тем более блестящим станет возрождение вечной Германии. Особенность немецкой души впадать в летаргию, в том случае когда возникает угроза самому существованию нации, послужит еще раз. Но я лично не могу вынести даже мысли о том, чтобы жить в этой переходной Германии, которая последует за падением нашего Третьего Райха."

Спустя некоторое время, 30 апреля 1945 г., канцлер Рейха, в возрасте 56 лет, накануне обвенчавшийся со своей невестой, покончил жизнь самоубийством в окружавшей его атмосфере конца мира. В своих "Военных мемуарах" (том 3: Le salut, 1944-46. Plon, 1959) генерал де Голль пишет: "самоубийство, не предательство, положило конец его начинаниям".

"Германия — добавляет он — замороженная им до самых глубин своей души, служила своему Фюреру всеми силами. Она сохранила ему верность до самого конца, отдав ему столько сил, как ни один народ никогда не отдавал в распоряжение своего вождя..."

Он заключает: "Дело Гитлера было сверхчеловеческим и нечеловеческим. Он отстаивал его, не зная сомнений. До последних часов агонии в глубине берлинского bunker'a, он оставался нестигаемым и не знающим жалости, каким он был в дни своего торжества. Его борьба и память о нем покрыты мрачным величием сделанного им выбора; никогда не колебаться, не идти на сделки, никогда не отступать. Титан, пытавшийся удержать на себе весь мир ни сгибаясь, ни пытаясь облегчить тяжесть. Но в тот момент, когда все было кончено, у побежденного и разгромленного не было ли такого мгновения, когда глаза его заволокла потаенная слеза".

^^^

© ВИКТОРИЯ ВАНЮШКИНА

 TraditionalLib.narod.ru

© Точка перехода